

Н. СЕКЕРЖ

Шлецкая защита

Огиз • 1941

ЧКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

~~11111~~

48864

ИНГО
РАБАНЖИ

ОТДЕЛ
КРАЕВЕДЕНИЯ

Н. СЕКЕРЖ

бр 193
СЗ8

ИЛЕЦКАЯ ЗАЩИТА

ПРОФИЛ
1933

Чкаловская
Областная Библиотека
Читальня №

О Г И З

Чкаловское издательство
1941

ДХ

СОДЕРЖАНИЕ

Туз-туба (Соль-гора)	3
Крепость „Илецкая защита“	5
Безусадный город	13
Тысяча девятьсот пятый год	19
За власть Советов	24
Гибель Самуила Цвиллинга	31
Отступление на Актюбинск	37
За восстановление хозяйства	41
Районный центр	45

Редактор П. АФАНАСЬЕВ.

Тираж 6000. ФВ 1907. Подписано к печати 24-VII—1941 г. Печ. л. 2, авт. л. 2,649. Тип. зн. и печ. л. 60384. Цена 75 коп.

Тип. изд-ва „Чкаловская коммуна“, г. Чкалов, Ленинская ул., 42.
Заказ № 1623.

Туз-тюбэ (Соль-гора)

Табуи низкорослых косматых лошадемок бродил по степи. Каурый большеголовый жеребчик настороженно прислушивался к шорохам и шелесту травы. Палило жаркое солнце. Кони продвигались на запад. Растительность становилась все беднее, и вскоре новыль сменился редкими кустиками молочая.

Каурый вожак шел впереди табуна. Коньята стучали о белые камни, разбросанные по пустынной степи. Вдруг он остановился и, подняв большую угловатую голову, принялся. Влажные ноздри вздрагивали от волнения. Слабый ветерок принес еле уловимое дыхание влаги. Жеребец, пронзительно заржав, ринулся вперед. За ним, то сбиваясь плотной массой, то рассыпаясь лавой, мчались остальные кони.

Мальчик-пастух, на взмыленной сивой кобылке, еле поспевал за табуном.

Вскоре блеснула узкая полоска воды. Мелкая степная речонка текла между голых берегов. Вожак первым бросился в реку. Взметнувшиеся брызги скрыли его на миг от остальных лошадей. Он остановился и, наклонив голову, жадно начал пить.

Мальчик подъехал к табуну.

Солнце уходило за горизонт, и косые оранжевые лучи его били в лицо. Белая высокая гора поднималась над степью, как большой снежный ком. Рядом с ней, плоская, будто опрокинутая лохань, лежала другая го-

ра. Мальчик тронул коня и медленно поехал вдоль реки. Высоко в небе клекотал орел, высматривая добычу. Сухая блеклая трава хрустела под копытами. Местами попадались серые блестящие камни. Мальчик остановил коня и легко прыгнул на землю. Он нагнулся и поднял камень. В вечернем неясном свете камень искрился как кусок голубин, и невозможно было сказать, какой его настоящий цвет. Он то казался прозрачным и белым, то вдруг приобретал серовато-синие оттенки. Мальчик размахнулся и бросил его. Упав на землю, камень рассыпался на десятки мелких кусочков. Пастух пошел дальше. Везде, по всему склону, валялись серые, синие и белые камни. Иные были, словно червями, источены водой, другие еще сохранили твердость.

В одном месте земля осыпалась и обнажила светлую, твердую глыбу. Нагнувшись, мальчик потрогал ее рукой: она еще хранила в себе полуденный жар. Пастух захотел пить. Он провел ладонью по запекшимся сухим губам и почувствовал на них вкус соли. Мальчик удивленно посмотрел на руки, лизнул палец языком, затем вскрикнул и упал на колени, прижимаясь губами к соленому камню.

— Туз-тюбэ! — воскликнул он и, набрав блестящих камней в седельные сумы, сел на коня и поскакал к далекому казахскому кочевью, чтобы сообщить о соленой горе.

...Может быть это было и не совсем так, но, во всяком случае, честь открытия илецкой каменной соли принадлежит местным жителям-кочевникам, а время открытия относится к далекой древности.

Еще в книге „Большому чертежу“, составленной во время царствования Ивана Грозного, упоминается гора „Тустеби“ (Туз-тюбэ — соль-гора), находящаяся на берегу „реки Илез“, т. е. реки Илек.

Долгое время кочевники-казахи и башкиры пользовались этой солью для собственных нужд, выламывая

ее почти с самой поверхности земли. Гора почиталась священной. Кочевники клали у ее подножья меха и другие жертвоприношения, с молитвами ходили вокруг, предварительно совершив омовение в ближайшем озере.

Слава о соляной горе распространилась далеко за пределы Илека и Яика. Соляные богатства привлекали русских предпринимателей, постепенно проникавших в необжитые, необъятные степи.

В 1737 году при илецких соляных копях образовалось поселение из яицких казаков и выходцев из внутренних областей России.

Крепость „Илецкая защита“

Илецкой солью заинтересовался оренбургский губернатор Неплюев. В 1744 году на Илецкое месторождение был послан майор Кублицкий с воинской командой. Несколько месяцев экспедиция производила разведку соляного пласта. Было выбрано 53 шурфа, на глубину до 3 сажень каждый. Неплюев в том же году сообщил о соляной горе в Санкт-Петербург.

В 1745 году по „высочайшему повелению“ в Оренбург прибыл англичанин Инис — полковник Ревельского драгунского полка. Пользуясь широкими правами, Инис совершил посадку в Илецкое поселение и осмотрел соляную гору.

Несколько лет тянулась междуведомственная переписка, составлялись различные проекты, и лишь в 1753 году Илецкое месторождение поступило в ведение казны.

По указу правительственного сената, 7 мая 1753 года в Оренбурге было открыто Соляное управление и построен казенный соляной магазин. Продавалась илецкая соль по 35 копеек за пуд.

Однако казна не могла надежно, с наибольшей вы-

годой эксплуатировать промысел, находившийся далеко от столицы и даже от Оренбурга.

Тогда сотник Оренбургского казачьего войска Алексей Углицкий решил променять военную славу на торговые барыши. Он подрядился добывать илецкую соль в течение 4 лет и поставлять ее в оренбургские магазины до 50 тысяч пудов в год по 6 копеек с пуда.

Прежде всего промысел нужно было обезопасить от нападения казахов и башкир, которые были недовольны вторжением иноземцев, бесцеремонно копавшихся в „святой горе“.

И сотник решил построить крепость. Получив в Оренбурге несколько десятков ссыльных каторжан, роту Алексеевского полка и артиллерию, он двинулся „в поход за соль“.

На берегу реки Елшанки, в 200 саженьях от соляного месторождения, началось строительство. День и ночь стучали топоры, лопаты и кирки.

К концу лета 1754 года выросла крепость — „Илецкая защита“. На земляных батареях стояли пушки. Рота Алексеевского пехотного полка составляла гарнизон крепости.

В крепости находился провиантский магазин, казармы для солдат, дома для „господ офицеров и чиновников“, две церкви. Между крепостью и озером расположилось около ста двадцати домиков из саманного кирпича, в которых жили первые русские поселенцы.

Через двадцать лет, в феврале 1774 года, Илецкая крепость была разрушена войсками пугачевского полковника — Хлопуши. Но в этом же году вновь восстановлена.

Кроме гарнизона и казаков, в крепости, с первых же дней ее существования, находилось до 130 человек ссыльных, работавших на добыче соли. Тогдашняя Оренбургская губерния была мало населена, и в рабочей силе был острый недостаток.

Ссылные каторжане были первыми солерубами, соленосцами и солевозами.

Ежегодно управляющий промыслом слал бумагу за бумагой с просьбами прислать ссылных для работы на промысле. Почти ежегодно на рудник прибывали крупные партии ссылных.

Из сообщения оренбургского военного губернатора князя Волконского видно, что по царскому указу в 1816 г. из Казани направлено в Илецкую защиту „до 250 ссылочных“, а в случае увеличения работ количество ссылных обещано довести до 300.

От деревни к деревне, по проселочным дорогам, через леса и степи, в зной и стужу тащились под конвоем солдат закованные в кандалы „рабочие люди“. При каждом из них имелась примерно такая „подорожная“:

„Посланного, при сем доставленного в сие правление приставейного списка Владимирского земского суда, Владимирской округи, деревни Аксентовой крестьянина Луку Андреева, по решению Владимирской палаты уголовного суда за азвжение в деревне Кординой, крестьянского дома, наказанного кнутом 80 ударами, следующего вечно в каторжную работу в г. Иркутск, в Иркутское губернское правление, но по силе состоявшегося именного высочайшего указа в 31 день августа 1805 года 3-го пункта, направленного для подлежащей разработки на Илецкую защиту соляного промысла к Оренбургскому военному губернатору имеют земские суды, каждый через свой уезд, препровождать от селения до селения закованного в ножные кандалы, за крепчайшею обывательскою стражею до города Оренбурга, по приводе представить его к тамошнему военному губернатору князю Волконскому“.

Промысел рос, илецкая соль завоевывала рынок. С 1766 года илецкая соль (по солевозному тракту) доставляется уже до Н.-Новгорода, а оттуда развозится

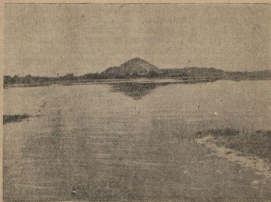
по Волге в другие города. В начале 80-х годов XVIII столетия Илецкую заштиту посетил известный путешественник П. С. Паллас, который в своей книге „Путешествие по разным провинциям Российской империи“ говорит, что разработка соли в это время производилась уже на территории около 60 сажен в длину, 9—10 сажен в ширину при глубине до 3 саженей.

Подробные сведения об Илецком соляном месторождении приводит профессор Казанского университета Бабет, посетивший Илецкую заштиту в 1851 году. В „Оренбургских губернских ведомостях“ за 1853 год он пишет:

„Соляной шток покрыт слоем земли не ровной толщины от нескольких аршин и до нескольких саженей... Во все стороны от него расстилается степь с холмами из красного песчаника, известкового мергеля и гипса. На краю штока, с северной стороны, возвышается гипсовая гора, оканчивающаяся на западе утесом. Она издали похожа на насыпной курган и служит до сих пор маяком для караванов, идущих из Хивы в Оренбург. Гора имеет протяжение на восток и здесь уже она не так высока и служит пристанищем в бурное время киргизам, кочующим по берегам Илека. Весьма вероятно, что киргизские табуны открыли соль, тем более, что соляной шток лежит у подношья горы весьма близко от поверхности земли, так что сильная весенняя вода часто его совершенно обнажает“.

Разработка илецкой соли производилась так: сначала пласт соли очищался от поверхностной земли и выравнивался. Топорами на длинных и гибких топорницах солерубы вырубали правильные борозды глубиной до аршина, эти борозды пересекались затем поперечными. Расстояние между ними было от одного до пяти аршин.

Насеченные глыбы („кабаны“) отделяли от пласта. Для этого применяли так называемый „барс“ — боль-

Вид на соленое озеро и гилсовую гору.

шое бревно, окованное на одном конце железом. Ударами „барса“ глыбы соли выламывались, затем дробились на более мелкие комья и складывались в бунты. Соль к бунтам доставлялась или вручную на тачках или ладками на плечах. Даже такой примитивный способ, как удары „барса“, уже представлял собою некоторую „механизацию“ и облегчал труд. В большинстве же случаев выламывание соляных глыб производилось при помощи железных клиньев, забиваемых под низ соляного косяка. Потом глыбу выворачивали деревянными вагами и разбивали на комья.

Эта каторжная работа требовала большой затраты физических сил, быстро изнуряла рабочих и вела их к

преждевременной смерти. Ежегодно десятки ссыльных, рискуя жизнью, убегали с промысла. Лучше смерть во время побега, чем мучительное ожидание ее от истощения, думали они. Никакие меры, принимавшиеся промысловым начальством, не могли предотвратить огромного числа побегов ссыльных, находивших убежище в бескрайних оренбургских степях.

Жалобно звучит рапорт Илецкой соляной конторы оренбургскому военному губернатору, поданный в июне 1816 года.

„С наступлением нынешней весны, при всем старании прилагаемом со стороны местного начальства к прекращению побегов ссыльных рабочих, многие из них бежали и по сделанному в то же время от сей конторы распубликованию с описанием примет их, очень мало из них поймано и обратно прислано“.

В том же рапорте сообщается, что из поступивших „с августа месяца 1816 года ста шести ссыльных в течение весны и лета 1816 года бежало шестьдесят пять человек“, хотя контора „к прекращению побегов, какие в руках ее средства, все оные употребляет и не делает ни малейшего послабления в надзоре“.

Тяжелая работа, издевательства надсмотрщиков и горных начальников, скотские условия жизни — вот что заставляло ссыльных бежать с промысла. Даже соляной пристав Третьяков в своем рапорте оренбургскому военному губернатору признает, что „обнесенный палисадом острог, равно и внутри оного имеющие пять казарм, ныне пришли в совершенную ветхость, так что и к починке совсем неспособен. От чего и рабочие люди претерпевают крайнее изнурение“.

Издевательства надсмотрщиков не имели предела. Ссыльный не считался человеком. За малейшую провинность его могли бить кнутом, рвать ноздри. Ноздри рвали ссыльным даже по указанию штейгера. Посетивший Илецкую защиту советник министерства внутрен-

них дел Егор Канкрин вынужден был в „проекте о соли“ указать: „Наказывать батогами и обновлять поздрилишь в силу судебных приговоров“¹.

Иногда ссыльные, не выдержав побоев, глумлений и тяжелой работы, решались не только на побег, но и покушались на убийство наиболее злобных и ненавистных штейгеров и надсмотрщиков. В январе 1827 года „ссыльнорабочие Михайло Найденов, Федор Кулагин, Николай Квашнин и Гаврило Сергеев сумыслили заговор на лишение жизни кого-либо из чиновников“². Что побудило их?

Шихтмейстер Словцов был грозой промысла. Когда он появлялся на разработках, ссыльные трепетали. Пинки, зуботычины, удары железной тростью сыпались налево и направо. Малейшая неисправность в работе влекла за собой порку.

Штейгер Мячина не отставал от своего начальника. За какое-то незначительное упущение он приказал заковать в кандалы Николая Квашнина и Гавриила Сергеева. По его доносу были обриты головы Федору Кулагину и Николаю Квашнину. Для большего морального унижения на них надели „рогатины“ — шутовские колпаки с бычьими рогами.

Мячина ссыльные ненавидели и за то, что он пропихивал порох, отпускаявшийся на подрывание соляных глыб, и заставлял рабочих ломать соль клиньями и молотами.

Выведенные из терпения рабочие решили освободиться от ненавистного штейгера Мячина. Все было готово для осуществления задуманного плана. Но среди заговорщиков оказался предатель. Михайло Найденов выдал своих товарищей. Началась расправа. Избитых ссыльных бросили в вонючую мокрую камеру.

¹ Чкаловский областной архив. Дело № 1276, стр. 54.

² Чкаловский областной архив. Дело 9130, стр. 2—3.

Вскоре над ними состоялся суд, который приговорил их „бить нещадно плетью и, вырвав ноздри, сослать в Иркутск в вечные работы“.

Но ни битье кнутом до смерти, ни вырывание ноздрей не могли прекратить побегов, которые часто совершались при прямом попустительстве и содействии солдат Илецкого гарнизона.

Четвертого марта 1816 года рабочие Гаврила Силантьев, Иван Незнаев и Никифор Сенинков убежали через двери, вблизи которых находился вице-унтер-офицер Орского гарнизонного батальона Августин Иванов.

В своем рапорте комендант крепости капитан Крюков признает Иванова виновным в том, что он не проверил прочность двери, которую бежавшие выломали. Оренбургский губернатор наложил на рапорте резолюцию: „За таковую оплошность и непринятие должной предосторожности предписываю вам вице-унтер-офицера Иванова наказать палками, впредь на будущую осторожность, дав 50 лозанов“.

Постоянные побеги ссыльных, нападения кочевников на транспорты с солью затрудняли ее добычу и отpravку в центральные губернии.

Промысел развивался медленно. Это было наруку оренбургскому начальству, которое опасалось, что Илецкая защита вдруг обгонит Оренбург.

Все мероприятия, предлагавшиеся разными лицами для улучшения работы соляного промысла, или застревали в недрах губернаторской канцелярии, или к проектам, отсылавшимся в столицу, прилагались такие „пояснения и мнения“ губернатора, что, прочитав их, никто уж, конечно, не читал самих проектов.

Один из ближайших царских приближенных, адъютант свиты царя, полковник Струков, во время командировки в Оренбург убедился, что за счет илецкой соли можно поправить свои финансовые дела. По возвра-

щении в Петербург он сочинил и подал на „высочайшее имя“ проект нового солевозного тракта и предложил ряд мер, обеспечивающих его от нападения местных жителей-кочевников.

По личному распоряжению царя материалы были направлены в Оренбург.

Но даже царского вмешательства было недостаточно для оренбургского губернатора. Составив комиссию из офицеров инженерных войск, губернатор поручил ей дать заключение.

Комиссия несколько месяцев путешествовала по степям и, исписав 300 листов бумаги, пришла к выводу, что проект не выгоден. На этом, казалось, все кончилось. Но недаром Струков был царским приближенным: в Петербурге он отстоял свои выводы, получил ссуду в 50.000 рублей и назначение управляющим промыслом.

В 1810 году начинается устройство нового солевозного пути. Пограничная линия передвигается к востоку.

В 1816 году по царскому указу было учреждено особое сословие солевозов. Сотни крестьянских семей были приписаны к промыслам и расселены вдоль всего солевозного тракта.

Илецкая соль теперь шла в Самару и Рыбинск, а оттуда по всей России. Однако добыча соли на промысле плохо развивалась. Подневольный труд каторжан и крепостных крестьян был мало производителен. Поэтому в 1849 году сосильные, проработавшие длительное время в Илецкой защите, были по „Высочайше утвержденному мнению Государственного совета“ обращены в сословие мастеровых.

Безуездный город

(Жизнь Илецкой защиты — поселения, возникшего возле соляного месторождения, — тесно связана с деятельностью

примысла. Основным источником существования населения была работа на соляном промысле.

По 14 часов в сутки рабочие рубили, носили и возили соль. Ничтожная заработная плата обрекала их на полуголодное существование. Солерубы зарабатывали в месяц от 5¹/₂ до 6¹/₂ рублей, земленосцы от 4 до 4¹/₂ рублей. Впоследствии начали платить за работу и каторжникам. Егор Канкрин — советник министерства внутренних дел — в своем проекте о соли, чтобы больше заинтересовать землевладельцев в увеличении добычи соли, считал необходимым повысить их „заработок“ и платить „соленосцам сверх провианта одну копейку в день“.

Здесь опять столкнулись интересы Илецкой защиты и Оренбурга.

Оренбургские купцы и промышленники не могли допустить укрепления своих соседей. Тем более, что и так уже торговля в значительной части передвинулась в Илецкую защиту.

Казахские караваны уже не шли в Оренбург, а, остановившись в Илецкой защите, меняли свои товары на товары илецких купцов.

Рост населения и увеличение удельного веса Илецкой защиты, как промышленного пункта, даст повод илецким властям выдвинуть проект превращения ее в „горный город“. Началась переписка. Различные комиссии, создаваемые канцелярией губернатора, обсуждали этот вопрос десятки раз.

Волокита тянулась с 1843 по 1866 год, пока вся эта бумажная гора, составившая объемистое дело на 425 страницах, была сдана в архив.

В самый разгар борьбы с Оренбургом, в 1854 году, Илецкая защита представляла скопище деревянных и саманных домиков, укрывшихся за земляным валом с тремя воротами.

Вал уже никакого военного значения не имел, хотя попрежнему на нем ржавели древние пушки, и круг-

лые чугунные ядра лежали возле них. По старой традиции стояли у ворот часовые.

Площадь города, окруженная крепостным валом, составляла „от востока на запад 535 и от севера на юг 620 саженей“.

Чиновники соляного управления, мастеровые, рабочие и их дети, купцы, мещане, отставные чиновники, солдаты и казаки Оренбургского войска — вот население Илецкой защиты, общая численность которого достигала 1276 мужчин и 1165 женщин.

Строительство общественных зданий не производилось. Еще в 1829 году оренбургский мещанин Дмитриев осмелился просить разрешения на открытие гостиницы. В этом ему оренбургской городской думой было отказано. Свой отказ дума мотивировала так:

„По положению о гостиницах воспрещено с определенным большими штрафом впускать в оные солдат, слуг господских и всех в простом крестьянском платье, а пребывающие в селении Илецкой защите, исключительно самого малого числа офицеров и чиновников, все другие солдаты, с которыми наравне должны полагаться и казаки, да мастеровые и рабочие люди промысла; приезжающие же сюда по соляной промышленности люди простого крестьянского и мещанского состояния, потому и нет видов надобности в таковой гостинице“.¹

Очевидно по этим же „мотивам“ не было в Илецкой защите больницы, и даже мысль о ее создании была сочтена губернатором „безвременной“.

В 1865 году по царскому указу Илецкая защита стала безуездным городом. Но от этого ничего не изменилось. Правда, появилась городская дума, городской староста, и жители стали величать себя горожанами. Но попрежнему население росло медленно. В 1868 г. в

¹ Челябинский областной архив. Дело 9526, стр. 4. 5.

городке насчитывалось 207 деревянных да 5 каменных частных домов, а всего было 9 каменных зданий и 284 деревянных. Зато в городе в то время было две каменных церкви, одна часовня и одна деревянная мечеть. Город во многом был хуже окрестных казачьих станиц. В частности, в Илецкой заштате немало домов отапливали „по-черному“.

„Так как черные избы не имеют труб, то вся внутренность избы обыкновенно скоро коптеет и делается совершенно черною, особенно потолок лоснится от сажи, как под лаком; впрочем над челом печи, для выхода дыма, прорубается в потолке отверстие, в которое сверху вставляется деревянная труба. Черные избы представляют ту выгоду, что они во время зимы всегда бывают сухи, теплы и потому удобны для вечерних занятий, но с другой стороны они чрезвычайно несносны во время топки — утром, потому что бывают наполнены дымом и холодом“.¹

В городе существовала единственная школа, открытая в 1821 году. Она называлась Илецкая горная школа министерства финансов, предназначалась для детей мастеровых и рабочих соляных промыслов и была разделена на два класса. Учащихся в ней было 38 человек.

В городе имелись следующие „промышленные заведения“: 19 лавок на базарной площади, три кузницы, торговая баня, 7 ветряных мельниц, бойня, водяная мельница и кожзавод. Особенно процветали питейные заведения: „Укроиний“, „Надежда“, „Соляной“, „Белая“, Илецкий, Яковлевский, Илецко-защитинский, Гуляковский, Песчановский, Забегайловский, Наследовский и Александровский — с общим „питейным“ оборотом на 10550 рублей серебром в год, тогда как весь го-

¹ Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 217.

родской бюджет выражался в смехотворной сумме: приход 8236 рублей, а расход 8071 рубль.

Шли годы. Менялись способы добычи соли, увеличивался размах работ, менялись хозяева, но неизменной оставалась тяжкая жизнь. Деды, отцы, дети с малых лет и до глубокой старости, на протяжении многих десятков лет, выламывали из недр земли соль, которая в руках купцов превращалась в золото.

В 1877 году правительство сдало Илецкое месторождение каменной соли в аренду оренбургским купцам-богачам: Дееву, Дюкову и Оглодкову. В 1877 году они начали подземную добычу соли.

Стремясь выкачать из промысла возможно больше прибылей, арендаторы мало заботились о благоустройстве рудника.

Рудник сообщается с земною поверхностью двумя шахтами, одна из них в настоящее время достигает глубины слишком 20 саженей, а другая 52 сажени. Они носят название "подъемной" и "воздушной" шахт. "Подъемная" служит для доставки выработанной соли на поверхность и снабжена необходимыми для этого механизмами, которые приводятся в действие 40-сильною паровою машиною... Воздушная или путевая шахта служит исключительно для подъема и спуска рабочих и в ней устроены пологие удобные лестницы с перилами".¹

Арендаторы не поскупились на устройство подъемной машины для выдачи на-гора соли, так как это увеличивало добычу, а рабочих заставляли по четыре раза в день по шатким деревянным лестницам подниматься и опускаться на глубину 100 метров.

Большой силы достигает эксплуатация рабочего класса в девятисотых годах. Промышленный кризис 1901—1903 гг. освободил много рабочих рук. Из Уфы,

¹ Очерк Илецкого солевого промысла. 1880 г. стр. 18.

Самары, Оренбурга возвращаются в Илецкую защиту жители, уезжавшие на заработки и в результате кризиса оставшиеся без работы.

В те времена на промысле существовала поденно-сдельная оплата труда.

Каждое утро сотни рабочих приходили к воротам рудника и в угрюмом молчании стояли перед „казармой“, ожидая „разводки“. За полчаса до начала работ приказчик выстраивал их и проходил вдоль шеренг. Тот, кто почему-либо ему не понравился, уже и не рассчитывал на работу.

— Выйди вон! — кричал приказчик и выталкивал того из строя. Иногда „господа приказчики“ позволяли себе „шутки“.

— Сегодня рабочих надобно два человека, — заявлял приказчик и молча смотрел на собравшуюся толпу, словно выбирая, кого же взять. Голодные люди подступали ближе, каждый хотел оказаться на виду.

В теплом тулупе, высоких сапогах и меховой шапке, приказчик пятился, а за ним, уминая снег, надвигалась толпа плохо одетых, полубосых рабочих. Когда приказчику надоедало шутить, он кричал:

— Становитесь на разводку! — и выбирал нужных рабочих, готовых за любую цену продать свои рабочие руки, лишь бы не умереть с голоду.

Работать было нелегко.

— Нормы назначались такие, что мало-мальски среднему человеку не выработать, — вспоминает старейший рабочий рудника т. Ефремов. — А как чуть приостановился или не выполнил норму, так уж завтра лучше не приходи: приказчик все равно на работу не возьмет. Не брали на работу также „недогадливых“. Ежели новичок, проработав три дня, не догадался угостить приказчика, — то такому на руднике остаться было трудно.

Никто не был уверен, что сегодня он будет работать и что-нибудь заработает. Никаких сбережений у боль-

Шинства рабочих, конечно, не было, и семьи, иногда в 7—8 человек, ежедневно с нетерпением ожидали кормильца. Для очень многих жителей Илецкой защиты работа на руднике являлась вопросом жизни и смерти.

Тысяча девятьсот пятый год

В январе 1904 года на Дальнем Востоке разразилась русско-японская война. Царское правительство рассчитывало, что война поможет ему укрепить свое политическое положение: отвлечь пролетарские и крестьянские массы от революционной борьбы, патристическим угаром затуманить мозги народу и остановить революцию.

Однако плохо вооруженная и руководимая бездарными генералами русская армия все время терпела поражения.

Рабочие и крестьяне сознавали вред войны для России.

Ненависть к царизму росла с каждым днем. Война отчетливее вскрыла и обострила все противоречия между народом и правительством царя. Революционное движение нарастало повсеместно. Царское правительство пыталось задуть его, вылавливая и ссылая лучших людей в отдаленные местности.

Илецкая защита с ее каторжной тюрьмой была таким местом ссылки.

Политические ссыльные в Илецкой защите среди рабочих железной дороги и соляного рудника находили благодарный революционный материал.

В 1905 году они организовали подпольный революционный кружок. Собрания проводились тайно — или на квартире у одного из членов кружка, или за городом, в кустарнике на берегу реки Елшанки. Приходили поодиночке, кто-нибудь захватывал гармонию. Стоило появиться на

горизонте „подозрительному“, как немедленно беседа прерывалась и начинала играть гармонь.

Кружок вел работу среди жителей Илецкой защиты, ближайших поселков и среди шахтеров соляного промысла. Кружковцы разъясняли истинный характер и цели русско-японской войны, призывали рабочих и крестьян всячески уклоняться от мобилизации в царскую армию. В чайных, трактирах, на работе беседовали члены кружка с отдельными рабочими, крестьянами и казаками. Заходили в гости к знакомым и, словно невзначай, заводили речь о войне, о письмах, полученных от земляков-солдат из действующей армии. Перебирали фамилии знакомых, погибших на войне, и, вызывая хозяев на откровенный разговор, спрашивали:

— А за что он погиб, кому его смерть пользу принесла?

Кружок не был оторван от общего революционного потока. Оренбургские социал-демократы руководили его деятельностью.

Участник кружка товарищ Грачев вспоминает: „К нам приезжал из Оренбурга рабочий-кондитер, фамилии которого я не помню. Он собрал кружок, рассказал о революционных событиях в России и призывал нас возглавить в Илецкой защите борьбу против самодержавия. С лозунгами „Долой царя-убийцу“ и знаменами мы организовали демонстрацию и уличный митинг. Настроение было праздничное. Революционный подъем захватил почти все население города. Полиция и стражники присмирели и попрятались. Две недели манифестанты ходили по улицам. В марте 1905 года для подавления „бунта“ и „поддержания порядка“ из Оренбурга в Илецкую защиту прибыла полусотня стражников. Они не жалели плетей. Избивали без всякой пощады мужчин и женщин, и стариков и молодых. Моему брату довелось отведать казачьей плетки. Начались массовые аресты. Почти все члены кружка были схвачены“.

В Илецкой защите было введено осадное положение. Показывавшихся на улицах граждан поролли плетьюми. Но разгром демонстрантов и арест кружковцев еще не означал разгрома революционного движения в Илецкой защите.

В 1905 году на соляном руднике работало свыше 400 шахтеров. Положение их было крайне тяжелым. За 14-часовой рабочий день шахтер получал всего 45 копеек.

Зимой 1905 года шахтеры под влиянием революционной пропаганды, невыносимых условий труда и низкой заработной платы решили наконец забастовать.

Вот как рассказывает о забастовке рабочий сольрудника тов. Ефремов: „Пришли мы к управляющему прибавки просить. Выходит к нам штейгер Агафонов и кричит:

— Зря, зря лапти бьете — не будет вам прибавки!..

А мы в ответ:

— Прибавки не будет, так пускай Деев с Оглодковым да Дюковым сами в шахту лезут.

На том и постановили: в шахту не ходить и никого туда не пускать.

На помощь промышленникам пришла полиция и царские чиновники. В тот же день на рудник были посланы заключенные илецкой каторжной тюрьмы. Рабочие не сдались. Они подбросили заключенным письмо, в котором просили их не срывать забастовку, и направили делегацию к начальнику тюрьмы.

— Не пускай в шахту заключенных, а то худо будет, — сказали ему делегаты. — Стражу снимаем, твои арестанты и разбегутся.

Испугался ли начальник тюрьмы, или заключенные не захотели своим трудом предавать рабочих, но на другой день на рудник никто из тюрьмы не пришел. Промышленники кинулись собирать штрейкбрехеров. Приказчики, рассыпавшись по базару и ближайшим железно-

дорожным станциям, зазывали разный темный люд. Противившиеся бродяги и жулики под охраной полиции собрались к рудничным воротам, но рабочие встали стеной и никого не пропустили. Наиболее рьяных штрейкбрехеров, пытавшихся силой прорваться на территорию рудника, основательно избили, — не помогла и полиция.

Забастовка росла и ширилась. Шахтеры сняли рабочих с мельницы купца Нехорошева. Рабочие, выламывавшие гипс, тоже решили присоединиться к рудничным. Федот Воронов открыто призывал бросить работу. Его схватили полицейские и посадили в арестное помещение при полицейском участке.

Тогда каменоломы обратились за помощью к шахтерам соляного промысла.

На призыв каменоломов рабочие соляного рудника откликнулись горячо. Немедленно собралось свыше 100 человек и, вооружившись камнями и палками, с красным знаменем двинулись к полицейскому участку, чтобы освободить Федота Воронова.

Полицеймейстер Шлихтер выстроил перед зданием участка полицейских.

Рабочие подошли и остановились в нескольких десятках шагов. Из толпы раздались голоса:

— Освобождай Федота!

— Выпускай Воронова! Боров гладкий, кровосос!

Полицеймейстер побагровел и, сдернув с левой руки перчатку, взметнул ее вверх. Полицейские неохотно подняли ружья. В толпе виднелись знакомые лица, а у одного полицейского даже брат работал на руднике.

Шлихтер махнул перчаткой и что было силы закричал:

— Огонь!

Но залпа не последовало. Полицеймейстер увидел, как полицейские опустили винтовки и смешались с толпой, хлынувшей в здание участка. Он услышал удары кам-

ня, которым сбивали замок, а еще через несколько минут освобожденный Федот Воронов был среди демонстрантов.

Впервые полицеймейстер почувствовал себя бессильным. Он забежал вперед толпы и трясущимися багровыми руками совал рабочим деньги.

— Возьмите! Выпейте, ребята, только не громите, не безобразничайте.

Никто из рабочих не взял денег. Красненькая десятирублевка упала на снег и растоптанная сотнями ног смешалась с грязью. Рабочие с песнями и лозунгами „Долой царя“ до-темна ходили по улицам. Возбужденные, радостные, они почувствовали силу, увидели могущество пролетарского единства. И хотя на другой день в Илецкую защиту прибыла сотня казаков Павловской станицы и снова начались аресты и избияния, все же рабочие одержали победу. Хозяева пошли на уступки. Шахтерам была увеличена суточная плата до 60 копеек. Забастовка, продолжавшаяся три дня, окончилась.

В апреле 1906 года рабочие соляного рудника забастовали вновь и добились увеличения заработной платы до 80 копеек в сутки.

1 мая 1906 года рабочие Илецкой защиты в стени, за вокзалом, провели мавку, в которой участвовало 20—25 человек. Выступавшие призывали продолжать борьбу против ненавистного царизма. Была организована демонстрация. В саду возле „Базарного озера“ собралось свыше 300 человек. Лозунгом демонстрантов был близкий всем клич: „Долой царя!“

Казаки разогнали демонстрацию. Снова начались аресты. На руднике полиция взяла многих шахтеров.

Начался период черной реакции. Кружки оказались разгромленными; лучшие люди сидели в тюрьмах; в городе свирепствовала полицейская плеть“.

За власть Советов

В 1915 году, во время кровавой империалистической войны, когда деньги начали безудержно обесцениваться, а цены на товары и продукты питания неуклонно расти, рабочие рудника предъявили хозяевам ряд требований, в числе которых было требование о прибавке заработной платы. Шахтеры послали к арендаторам в Оренбург делегацию.

Солдаты «тузы» не осмелились выгнать делегатов. По опыту прошлых лет они знали силу рабочего класса; боясь из-за забастовок потерять свои военные ба-рыши, они согласились на все требования рабочих.

Отзвуки далекого фронта доходили до города. Почти каждую неделю в армию призывались новые и новые люди — молодежь и пожилые. Многие из них оставались на полях сражений, иные вернулись домой калеками. Другие продолжали сидеть в окопах, но в письмах сообщали о измене и продажности генералов.

Недовольство самодержавием нарастало с каждым днем. Тревожнее становилось в городе. Все чего-то ждали. И вот 26 февраля 1917 года в 2 часа ночи телеграфист ж.-д. станции Илецк принял телеграмму. Ее содержание ошеломило старого служаку. Он еле-еле осмелился попросить повторить ее: «Нет ли ошибки?» Тщательно сверив каждое слово, телеграфист убедился, что все правильно. Он провел ладонью по вспотевшему лбу и тихо, как будто боясь собственного голоса, прошептал: «Царя свергли». Прислушался к своему голосу, к шагам в коридоре, к храпу в комнате дежурного на станции и снова повторил, уже громче: «Цари свергли!»

Весть о падении самодержавия быстро разнеслась по городу.

В марте под давлением рабочих были освобождены из тюрьмы политзаключенные,

В апреле организовался Совет рабочих и солдатских депутатов.

Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. Прошли выборы в городское самоуправление, сохранившее даже свое прежнее название — „Городская дума“. 23 июля 1917 года состоялось ее первое заседание.

Газета „Оренбургская жизнь“ в № 1048 за 30/VII—1917 года так повествует об этом „важном“ событии:

„23 июля было первое заседание вновь избранной думы. В помещении городского управления к 3 часам дня прибыло 29 гласных, местный протоиерей с причтом и довольно много местных жителей...“

Освященная присутствием местного пола, отслужившего молебен и произнесшего по сему случаю проповедь, дума начала свою „работу“. На первом заседании она приняла такую резолюцию: „Дума признает, что только железная дисциплина может вывести революцию и страну на путь спасения, а поэтому, объединившись без различия партий и взглядов, в полном сознании важности момента... что лишь коалиционное правительство, обладающее полной свободой действий, способно подворить спокойствие в народе, спасти Россию от внешнего поражения и тем приблизить революцию к желанной цели“.

Однако трудящиеся были совсем иного мнения. Член первого Совета рабочих и солдатских депутатов товарищ Грачев рассказывает, что рабочие на всех заседаниях выступали против эсеровских и меньшевистских предложений. И в том же месяце рабочие представители вышли из состава думы, а эсер инженер Яковлев был изгнан из Совета рабочих и солдатских депутатов.

В декабре 1917 года происходили переизборы Совета рабочих и солдатских депутатов. В его состав вошли рабочие Волков В. Е., Бойков Ф., Мелентьев С. В., Башкатов.

В начале 1918 года в Илецкую защиту возвратилось много солдат-фронтовиков, приехало несколько рабочих из Оренбурга.

Еще больше обострилась борьба между Советом и городской думой.

Меньшевики и эсеры не успокаивались. Они вместе с офицером создали белогвардейский отряд. Эсер Яковлев агитировал против большевистского списка в Учредительное собрание.

Январь 1918 года ободрил трудящихся. Появились вести, что Кобозев с большим войском наступает на Оренбург, а белоказачий атаман—полковник Дутов уже заказывает чемоданы, готовится к бегству из своей „столицы“.

16 января в помещении городского училища состоялось общее собрание рабочих. Оно возникло стихийно. Кем-то был пущен слух, что белоказаки хотят начать боевые действия. Рабочие решили объединиться и дать отпор.

На собрании произвели запись добровольцев в красногвардейскую дружину. В первый же вечер записалось свыше 40 человек. 19 февраля, вечером, руководители дружины собрались в одном из подвальных помещений, чтобы обсудить вопрос об изгнании белогвардейцев из города, а в 12 часов ночи дружина организовала восстание рабочих, разоружила охрану городской думы и разогнала белогвардейский отряд.

25 января на Базарной площади состоялось большое собрание рабочих и кустарей, на котором были избраны депутаты в городской Совет. Власть полностью перешла в руки трудящихся. В установлении советской власти и организации красногвардейского отряда большая заслуга товарища Персиянова Петра Алексеевича. Последовательный большевик, хороший организатор, он пользовался уважением и любовью трудящихся Илецкой защиты,

Петра Персиянова знали в городе с детского возраста. Его отец работал на соляном руднике бухгалтером, и Петр до самого призыва жил в Илецкой защите. По призыву он попал в царский флот. В 1917 году, во время бури, ему выбило глаз. Как инвалид, Персиянов был демобилизован и в конце 1917 года прибыл в Илецкую защиту. Он принес революционную непримиримость к врагам и готовность пожертвовать жизнью за революцию.

Персиянов был избран председателем городского Совета.

Враги притаились, выжидая удобную минуту. Нужно было готовиться к отпору.

Персиянов развернул энергичную работу по созданию красногвардейских отрядов. В добровольцах недостатка не было.

31 января 1918 года советские войска под командованием тт. Кобозева и Цвиллинга заняли Оренбург, а двигавшийся со стороны Ак-Булака Восточный красногвардейский отряд вступил в Илецкую защиту. Персиянов обратился к командиру отряда с просьбой поделиться оружием.

Около 500 винтовок и большое количество патронов были переданы красногвардейцам Илецкой защиты. И вскоре илецкий отряд Красной гвардии достиг 400 человек. Встал вопрос о средствах.

Городской Совет собрал местную буржуазию. Член Совета Ф. Бойков вышел к ним и объявил:

— Вы должны завтра же уплатить двадцать процентов налога с вашего имущества. Понятно?

Купцы загалдели:

— Насилье!

— Беззаконие...

— Грабеж!!

— Это уж, как вам угодно, — спокойно сказал Бой-

ков, — а чтобы деньги завтра же были. Теперь идите по домам.

На другой день с утра в Совет потянулись купцы. Только несколько человек, самых упрямых, отказались от уплаты. За ними пришли красногвардейцы.

— Собирайся!

— Куда?

— Там узнаешь.

Просидев пару дней в тюрьме, и эти согласились уплатить контрибуцию.

17 февраля 1918 г. Илецкому Совету рабочих депутатов, по постановлению губернского военно-революционного комитета, было отпущено 25.000 рублей на уплату жалованья красногвардейцам.

Так были получены средства на городские нужды и на содержание Красной гвардии.

Белое казачество, руководимое дубовскими офицерами, готовило захват Илецкой защиты. В городе появились переодетые дубовские разведчики и агенты, сеявшие панические и провокационные слухи. Угроза вооруженного нападения нависла над городом.

В окружающих станицах накапливались контрреволюционные силы. Кулачье и офицеры террором стремились заставить трудовое казачество выступить на стороне белых. 24 марта 1918 года в станице Угольной офицеры убили казака Михаила Петрова, который отказывался участвовать в наступлении на Илецкую защиту.

Такими методами кулачье и офицерам удалось сколотить вооруженный отряд для борьбы с советской властью. Центром подготовки вооруженного нападения на Илецкую защиту сделалась станица Изобильная, в которой свирепствовал полковник Донецков.

В городе стало известно, что белогвардейское восстание назначено на 1 апреля 1918 г. И „товарищ Персиянов, взяв с собой семнадцать красногвардейцев и

сестру милосердия, 28 марта выехал в станицы — Ветляинскую, Мертвецовскую и Изобильную, чтобы образумить казаков*, — вспоминает бывший адъютант красногвардейского штаба товарищ Реснянский.

Прибыв в станицу Ветляинскую, Персиянов провел собрание казаков, на котором был избран станичный Совет.

В станице Изобильной казаки встретили отряд Персиянова дружелюбно. Однако во время доклада в толпе уже раздавались злобные выкрики.

Едва Персиянов закончил свою речь, как поднялся переодетый офицер и предложил разоружить и уничтожить красногвардейский отряд. Казаки зашумели. Одни кричали: „Бей их!“ Другие требовали отпустить красногвардейцев.

Несколько казаков, размахивая пашками, наседали на Персиянова. Мужественный большевик не поколебался ни на минуту. Приказав бойцам не поддаваться на провокацию, спокойно, словно ничего не произошло, потребовал от атамана дать письменное обязательство подчиняться распоряжениям советской власти.

Атаман усмехнулся и развел руками.

— Как народ, а я что?! Кто за то, чтобы большевиков побить, отходи вправо, кто против, — влево! — крикнул он.

Толпа зашевелилась и вдруг распалась на две половины. Слева от атамана стояло две трети всех казаков.

Персиянов улыбнулся, а атаман пнул сапогом вертевшурся под ногами собачонку и сказал:

— Ладно... напишу обязательство...

Успокоенный Персиянов со своим отрядом двинулся обратно. Тем временем атаман и кулацко-офицерская часть казачества разослали в соседние станицы гонцов с просьбой о помощи против „большевиков-насильников“.

В погоню за красногвардейцами бросился отряд под командой полковника Донецкова.

В Ветлянской белобандиты настигли и окружили отряд Персиянова, отдохавший в доме казака Ф. Андреева.

— Открывай! — кричали казаки.

— Хозяин дома хотел открыть калитку, — вспоминает бывший красногвардеец отряда товарищ Гоголюк, — но бойцы не позволили.

Бандиты продолжали ломиться в дом.

— Открывайте... не тронем вас! — кричали они.

Персиянов долго думал. Отбиться семнадцати бойцам от трехсот озверелых бандитов надежды не было. Он с тоской взглянул на суровые лица красногвардейцев, на бледную сестру милосердия, на дрожащих в страхе хозяев и плачущих детей, решительно тряхнул головой и отпер ворота. Полковник с двумя офицерами вошел во двор и предложил сложить оружие.

Красногвардейцы стояли молча, сжимая в руках винтовки.

Полковник повторил команду. Его не послушали.

Тогда Персиянов вздохнул и негромко сказал:

— Клади, товарищи, оружие.

Красногвардейцы сложили винтовки в кучу посреди двора и разошлись к лошадям.

— Кто Персиянов? — крикнул полковник.

— Я, — ответил тот и вышел на середину.

Полковник вскинул револьвер, но один из красногвардейцев грудью заслонил Персиянова, и сам упал мертвым.

— Где же ваше честное слово? — спросил Персиянов.

В ответ полковник выхватил клинок и отрубил Персиянову правое ухо и рассек плечо.

Персиянов пошатнулся, шагнул к воротам и закричал:

— Да здравств...

Кричать ему не дали. Во двор хлынула толпа казаков. В воздухе замелькали шашки. Началась резня. Один за другим падали изрубленные красногвардейцы. С рассеченной головой свалилась сестра милосердия, проткнули пикой Антона Кугута, упали под вражескими пулями Степан Якименко и Илья Жалинский.

Спаслись только Гоголюк и Федоров, спрятавшиеся за кучами кизяка. Они и сообщили на следующий день утром печальную весть.

Гибель Самуила Цвиллинга

С минуты на минуту казаки могли ворваться в Илецкую защиту, и тогда на улицах пошла бы резня.

Штаб Красной гвардии немедленно донес о происшедшем в Оренбург.

Председатель Губернского исполнительного комитета Самуил Моисеевич Цвиллинг лично позвонил по телефону в штаб Илецкой Красной гвардии, успокоил товарищей, потребовал принять срочные меры для обороны города и пообещал военную помощь.

Местные большевики воспрянули духом.

Красногвардейские отряды заняли позиции на окраинах — „Пчельник“ и „Ташкент“ и приготовились к отпору.

Городской Совет тем временем приступил к созданию новых вооруженных отрядов. В течение нескольких дней было сформировано пять сотен. Каждая сотня получила участок обороны, а две сотни составили резерв и расположились в центре города, чтобы действовать в более опасных направлениях. Город был готов к встрече врага и ждал помощи из Оренбурга для перехода в наступление.

На рассвете 30 марта 1918 года отряд, сформирован-

ный Цвиллингом, выступил из Оренбурга в поход. Впереди ехали Цвиллинг, Бурчак-Абрамович и Михайлов. За ними по улицам еще сонного тихого города тянулась вереница саней. Из-под брезента торчали тупые стволы трех пулеметов.

Две пушки замыкали колонну.

То там, то здесь раздавались шутки, вспыхивал смех. Погода была скверная. Снег начал таять, и в оврагах, долинах и канавках уже журчали ручьи.

Так отряд шел до ст. Донгуз. Здесь он погрузился в вагоны и 31 марта прибыл в Илецкую заштиту. Вечером Цвиллинг выступал на совещании командного состава отряда. Он подчеркнул, что приехал сюда не для войны с казаками, а для разъяснения им задач и целей советской власти.

— Оружие — это крайняя мера, — говорил Самуил Моисеевич.

Цвиллинг отверг предложение местных руководителей, настаивавших на всеобщей мобилизации граждан, способных носить оружие.

— Только добровольцы, только добровольцы нужны, — сказал Цвиллинг и еще раз подчеркнул, что сражаться он будет прежде всего силой большевистской правды, силой убеждения.

Послали разведку из 11 бойцов. Ночь была темная, сытые кони бежали резво. Пустынные поля лежали во круг. Впереди заблестели огни.

— Мертвецовка, — сказал Зубарев, — слезай!

Бойцы вылезли из саней и, рассыпавшись цепью, пошли к станции. Пробираясь по садам и огородам, осмотрели ее окранны, затем разведали улицу, заглядывали во дворы — нет ли казачьих коней. Все было спокойно.

Оказалось, что белые вскоре после убийства Персианова зарубили в Ветлянской двух казаков-большевиков: В. Скрипникова и Белякова. 28 марта офицеры

проводили письменный опрос казаков станицы Ветлянской: „за“ войну с большевиками или „против“. Напуганные угрозой расправы, казаки ответили „за“.

Возвращаясь в Изобильную, на пути белобандиты зарубили депутата первого губернского съезда Советов казака ст. Буранной В. Телушкина.

С этими известиями разведка вернулась в город. Весь день в Илецкой защите царило возбуждение. К Цвиллингу приходили молодые ребята, никогда не державшие в руках винтовку, шли опытные бойцы-фронтовики.

В солнечный полдень отряд Цвиллинга выступил из города. До самых окраин провожали жители своих сыновей, мужей, отцов. Почти без боя была занята Мертвецовка, с хлебом и солью встретили отряд жители Ветлянской.

После ночлега, утром 2 апреля, отряд двинулся дальше. Главные силы разделились на две колонны. Первая с двумя орудиями и двумя пулеметами шла по большаку. Ею командовал тов. Цвиллинг. Вторая, с Бурчак-Абрамовичем во главе, выступила по берегу реки Илек. В колонне Бурчак-Абрамовича имелся только один пулемет.

Цвиллинг вместе с сестрой милосердия Анастасией Александровой ехал на санках. Он был весел. Всю дорогу восхищался степными просторами, мечтал о новой жизни, которая начнется через несколько лет.

Показалась Изобильная. Маленькие домишки чернели на белоснежном просторе. Конные казаки гарцовали у мельницы. Раздавались выстрелы. Цвиллинг выпрыгнул из саней и приложил к глазам бинокль. В окуляры отчетливо вступали крыши домов, пустынная улица, голые ветви деревьев. Далеко за селом что-то колыбалось и двигалось. Цвиллинг напрягал зрение, стараясь рассмотреть это темное пятно.

— Взгляните, — сказал он одному из командиров, протягивая бинокль.

Тот долго смотрел, потом ответил:

— Это конница казачья уходит.

— Ну, тогда пугните ее из орудий, — приказал Цвиллинг.

В тылу глухо ударили два орудийных выстрела, и над головами с воем пронеслись снаряды.

С окраины станицы конные казаки открыли редкий огонь.

— Рассыпаться в цепь! — скомандовал Цвиллинг.

Бойцы рассыпались по обе стороны дороги. Они образовали две цепи, двигавшиеся одна за другой на расстоянии 200—250 шагов. Пулеметы везли на санях, впереди первой цепи. Слева доносилась редкая ружейная стрельба. Цепь Бурчак-Абрамовича уже поворачивала к селу. Маячившие перед разведкой казаки вдруг поскакали за станицу.

— Ура, наша взяла! — раздался чей-то взволнованный голос.

— Смотрите! Смотрите! На каланче белый флаг! Сдаются казаки!

На каланче действительно развевался белый флаг, сделанный, очевидно, из целой простыни. Цепь стала смыкаться к дороге и втягиваться в улицу.

Вдруг ахнул гранатомет, и в тот же миг из-за церковной ограды грянул залп, за ним второй. Со всех сторон затрещали выстрелы. Сбрасывая железные решетки церковной ограды, хлынула толпа белоказиков. Вдоль улицы пронесся конный отряд, с криком и руганью он врезался в ряды красногвардейцев. Цвиллинг выхватил наган и, прицелившись, сбил с лошади бородатого, увешенного медалями казака. Рядом с ним группа красногвардейцев отбивалась штыками и гранатами от наседавших конников. Один за другим гибли героические красные бойцы под ударами вражьих клин-

ков. Кое-кто из бойцов не выдержал и, бросая оружие, побежал...

Циблинг пытался удержать бегущих. Голос его покрывал шум битвы.

— Назад! Не сдавайтесь! За революцию!

Налетело сразу несколько казаков, замелькали в воздухе шашки, и, обливаясь кровью, упал у ограды Самуил Моисеевич Циблинг.

Враг не щадил никого. Конные казаки догоняли и рубили красногвардейцев и подводчиков. Пешие, овладев в первые же минуты боя красногвардейскими пулеметами, косили теперь из них бегущих. Упала зарученной Анастасия Александрова, свалился у дороги Алексей Чекушкин. До последнего патрона дрались братья Иван и Николай Фурсы. Один озверелый казак проткнул пикой красногвардейца Васильева. Безоружного фельдшера Николая Грифоновца изрубили прямо на санитарной повозке...

Левифланговый отряд Бурчак-Абрамовича был атакован конным полком полковника Ершова. Дрогнули красногвардейцы, в большинстве необстрелянные, неопытные молодые ребята. Но пулеметчик Григорий Аржевичников не растерялся... Метким огнем он хлестнул по вражьей коннице. Лава смешалась и, теряя убитыми и ранеными, отхлынула в кусты. Через некоторое время атака повторилась и снова была отбита. Десятки белоказачьих трупов валялись на талом снегу; корчились и стонали раненые. Красногвардейцы ободрились и воспрянули духом: Казаки в третий раз кинулись в атаку.

Уже были видны потные конские морды, перекошенные рты хрипло ревели „ура“, поблескивали на бешметах георгиевские кресты...

— Огонь! — скомандовал Бурчак-Абрамович.

Снова застучал пулемет, заговорили винтовки, и опять не выдержали белоказаки.

Почти без патронов, израненные, усталые бойцы ге-

рончески отражали натиск врага и медленно отходили к Илецкой защите.

Только к вечеру казачьей пехоте удалось окружить часть бойцов у станицы Мертвещовской...

Немногие бойцы из отряда Цвиллинга остались в живых.

2 апреля, вечером, в Илецкой защите узнали о гибели товарища Цвиллинга и его отряда. Никому не хотелось верить, что Самуил Моисеевич погиб.

✓ Стойкий большевик, замечательный оратор, зажигающий сердца тысяч людей, и вдруг погиб? Два, три дня еще теплилась слабая надежда: а может быть Цвиллингу удалось спастись, и он вернется в город, но скоро и она погасла.

Председатель Оренбургского губернского исполнительного комитета Самуил Моисеевич пал в борьбе с врагами революции. Враги пытались посеять в народе панику. Но эта попытка не удалась.

В Красную гвардию записывались взрослые, ребята, шли женщины и старики. На защиту города и революции поднялось все трудовое население. В течение одной ночи был сформирован Илецкий рабочий полк в составе семи сотен. К утру 3 апреля город, притихший и настороженный, приготовился к отражению врага.

Утром белоказачьи отряды окружали Илецкую защиту и бросились в атаку.

Гревели орудия, снаряды рвали на улицах. На окраине „Ташкент“ загорелся дом. Пули с чавканьем вонзались в мокрую землю. Красногвардейцы, окопавшись, стреляли по наступающим белоказачьим цепям. В тюремном замке работал штаб обороны. Из высоких зарешеченных окон хорошо была видна степь. Далеко на горизонте темнели колонны конных казачьих полков; они пробирались к вокзалу. Штаб выслал туда резервную сотню. После непродолжительной схватки казаки откатились обратно в степь.

...Ночь прошла тревожно. С утра начался штурм. Озверелые, пьяные белоказакИ лезли, не щадя жизни.

Красногвардейцы отбивались упорно, но мало было патронов, еще меньше снарядов. Борьба затянулась надолго. Атаки велись ежедневно. На пасху, во время очередного штурма, белоказакам удалось наконец овладеть вокзалом и ворваться на окраины — „Ташкент“ и „Пчельник“. Но тут казакИ получили неожиданный отпор. Их били из-за заборов камнями, поливали с чердаков кипятком, стреляли из окон. Каждый дом защищался, как маленькая крепость. КазакИ отступили. А вскоре в Илецкую защиту прибыли Ак-Булакская красногвардейская сотня и Самарский рабочий отряд, посланный В. В. Куйбышевым. Белогвардейцы были разбиты и рассеяны.

Отступление на Актюбинск

В конце мая 1918 года положение красноармейских частей ухудшилось. 8 июня чехословаки заняли Самару. Объединенные военные силы Самарского белогвардейско-эсеровского правительства, чехословаков и белоказакИ устремились на Оренбург. Советские войска не могли выдержать натиска численно превосходивших сил противника и в конце июня эвакуировали Оренбург.

Вместе с отступающими из Оренбурга советскими войсками на Актюбинск решено было вывести и отряды, оборонявшие Илецкую защиту. Рудник прекратил работу. На вокзале спешно формировались эшелоны. По городу весь день тянулись повозки, брички, ручные тележки и тачки. Длинные составы товарных вагонов наполнялись женщинами, детьми и стариками. Шла погрузка вооружения и имущества. Ремонтный поезд под прикрытием „броневика“ восстанавливал разрушенный белоказакИ путь. В степи, между частями отступаю-

щих советских войск и вражьей конницей, то разгорались, то затухали мелкие стычки.

Под вечер 30 июня последние части 275-го Илецкого рабочего полка снялись с позиций и начали отход. По пыльным улицам прошли через „Ташкент“. Низкие саманные домики сиротливо смотрели заколоченными окнами.

В синем небе рвалась шрапнель, и пули с визгом рассыпались по земле, вздымая пыль.

Медленно полз бронепоезд. Изредка на его башне вспыхивало пламя, и гул разносился по степи. Единственная пушка бронепоезда сдерживала белоказаков и прикрывала отход пехоты.

Последние защитники выходили из города. Бойцы прибавили шаг.

И вдруг сзади раздался голос:

— Постойте, сынки! Постойте!

Командир взвода оглянулся. По улице бежала женщина с узелком.

— И я с вами, сынки... и я... — она вскрикнула. — Сына моего, Васеньку, в Изобильной казаки порешили... и я с вами, сынки!

Она перекрестилась, упала на колени и поцеловала сухую потрескавшуюся землю. Поднялась и кончиком платка вытерла глаза. Строго и печально сказала: „Прощай! Прощай, родимый город!“

— Что ты, мать? — взволновались бойцы. — Не прощай, а до свиданья, родной наш город!

Путь был тяжел. День и ночь отбиваясь от наседавшего со всех сторон противника, красноармейские части вышли к своим. В районе Актюбинска советские войска остановились.

Трудящиеся Актюбинска тепло встретили беженцев из Илецкой защиты. Советские организации и местные жители окружили их вниманием и заботой. Беженцам помогли одеждой, продовольствием, деньгами. В Актю-

бинской газете „Известия“ от 6 декабря 1918 года читаем:

„Благодарность Актюбинскому совету Народного хозяйства от беженцев г. Илецкой защиты и Ак-Булакского поселка.

Мы, беженцы вышеназванных районов, тронутые до глубины души вашими заботами, шлем вам сердечную благодарность за братское внимание, оказанное вами в трудный момент нашей жизни.

Теперь мы видим, что мы не одни, мы сознаем, как велика та идея, за которую борется пролетариат“.

Белоказаки, ворвавшиеся в Илецкую защиту, неистовствовали. Начались повальные обыски и грабежи. Хватали по малейшему подозрению или доносу, расстреливали без суда и следствия. Так погиб бывший пулеметчик отряда Цвиллинга Григорий Арзевичников. Схваченный белоказаками, был расстрелян Александр Богданович, зверски убиты братья Закир и Шакир Абдул-Ванебовы, Гаврила Попов, Матвей Голышкин, Разия Ногаев и многие другие.

Пьяные казаки вламывались в квартиры, издевались, насиловали, поролы плетью.

Отец адъютанта штаба обороны Иван Реснянский, шестидесятилетний старик, не имел сил, чтобы отступить с частями Красной армии, и остался в городе. К нему на квартиру ввалилось несколько казаков с офицером.

— Где твой сын? — спросил офицер.

— Ушел с красными, — ответил Реснянский.

Офицер разразился руганью, а потом приказал вынороть его плетью.

Избитый старик видел, как хозяйничали казаки в квартире, захватывали вещи, обрую, увели со двора лошадь и телку, но сделать ничего не мог.

Грабежи, убийства, насилия не удовлетворяли бандитов. По приказу начальника гарнизона трупы крас-

ногвардейцев, погибших под Изобильной, Мертвецовской и при обороне города, были извлечены из братских могил и после кощунственных надругательств выброшены за город. Несмотря на запрещение белоказачьего командования, рабочие снова похоронили их.

Туркестанская армия, организованная из отступивших на Актюбинск и Орск красногвардейских частей, в декабре 1918 года перешла в наступление на Оренбург. В лютые морозы, без обмундирования, плохо снабжаемые продовольствием, испытывая недостаток боеприпасов и вооружения, красноармейские части преодолевали ожесточенное сопротивление противника, проявляя образцы мужества и героизма. 275-й Илецкий рабочий полк был в первых рядах. Особенно он отличился в сражениях под Мартуком и Ййсаном.

Во время боя у Ййсана Илецкий рабочий полк разгромил среди прочих белогвардейских частей и так называемую „золотую роту“, сплошь состоящую из кадровых офицеров.

Преследуя разбитых белоказачков, части Красной Армии в январе 1919 года подошли к Илецкой защите.

Белые нарыли окопы, установили артиллерию и пулеметы; словом, серьезно приготовились к обороне города.

Главные силы советских войск, наступавшие вдоль полотна железной дороги, продвигались с трудом.

Командование бросило часть сил для обхода противника с юга. Для белых такой маневр оказался совершенно неожиданным. Красная конница лихо ворвалась в город. Офицеры из штаба корпуса разбежались по дворам и закоулкам, управление и связь были нарушены. Среди белых началась паника. Бросая имущество, обоз, одежду и оружие, они бежали на северо-запад.

Илецкий рабочий полк вступил в свой родной город.

За восстановление хозяйства

В апреле 1919 года белым еще раз удалось побывать в Илецкой защите, но в сентябре под сокрушительным натиском частей Красной Армии, руководимых М. В. Фрунзе, они покинули ее. Илецкая защита стала навсегда советской.

Военные действия на территории города и района разорили хозяйство: соляной рудник бездействовал, оборудование на нем было разрушено белогвардейцами; посевы на полях не убирались; топлива было мало; на железной дороге валялись разбитые паровозы и вагоны; в полуразрушенных домах зияли пробоины.

Советская власть начинает энергично восстанавливать хозяйство.

Одновременно разворачивается культурно-просветительная работа. Собираются уцелевшие кадры учителей, начинаются занятия в школах.

В течение 1920 г. местные органы советской власти принимают решительные меры для удовлетворения неотложных нужд трудящихся. В постановлении волисполкома от 16 октября 1920 г. записано:

„Холод приносит эпидемические заболевания, а неполучение топлива грозит закрытием больниц, детских домов и школ. Обязать население организованно отправлять из каждого поселка не менее 20 подвод с кизяком ежедневно“.

Для хозяйственных работ: исправления мостов и ремонта колодцев, устройства и исправления паромов и плотин, разгрузки вагонов, очистки улиц, борьбы со снежными заносами и т. п. — широко использовалась трудовая мобилизация. На эти работы привлекались и бывшие купцы, чиновники.

Однако трудовая мобилизация полностью не решала вопроса о рабочей силе. Важную роль сыграли коммунистические субботники.

Вслед за коммунистами на субботники шли комсомольцы, беспартийные рабочие и служащие.

Комсомольцы были верными помощниками партии. Еще 20 сентября 1919 г. Илецкий волком РКП(б) создал инициативную группу для организации Коммунистического союза молодежи. Молодежь с радостью записывалась в союз. 12 октября был избран комитет союза из трех лиц. В то время в союзе молодежи насчитывалось до 50 членов.

Была предпринята организация коммунистических союзов молодежи и в станицах, деревнях и селах Илецкой волости¹.

В газете „Красная молодежь“ за 7 ноября 1919 года отмечается, что комсомольцы на общем собрании вынесли решение еженедельно проводить коммунистические субботники.

25 января 1920 г. в Илецкой защите проходила первая волостная конференция РКП(б), подготовившая созыв первого волостного съезда Советов, который состоялся 6 марта 1920 года.

Мы не имеем сведений, какие вопросы обсуждал съезд Советов, но несомненно, что наряду с военной работой в центре его внимания были организационные вопросы, потому что в течение 1920 года проводился целый ряд собраний и конференций, осуществлялись разнообразные хозяйственные мероприятия.

С 3 по 7 мая 1920 г. в Илецкой защите состоялся первый волостной съезд РКСМ.

Повестка дня поражает обилием вопросов, предложенных для обсуждения молодежному съезду. Здесь: 1) Текущий момент; 2) Доклад уездного оргбюро; 3) Доклады с мест; 4) Продовольственный вопрос; 5) Экономический вопрос; 6) Организационный вопрос: а) о ра-

¹ До 1928 года, когда произошло районирование, вместо терминных районов были волости.

боте в деревне, б) о работе среди учащихся, в) политико-воспитательная работа, г) работа среди мусульманской молодежи; 7) Выборы волкома; 8) Выборы ревизионной комиссии.

2 июня 1920 г. был проведен первый волостной съезд профсоюзов, 5 июня — общеволостная женская конференция, 3 июля — первый волостной съезд работников народного образования.

Трудовое население города и станиц с большим интересом относилось к организационным и культурно-просветительным мероприятиям советской власти.

В волкоме партии, волисполкоме и волкоме комсомола ежедневно толпились прибывшие из деревень. Они требовали литературы, докладчиков, артистов и т. д. Иногда это были приезжие за несколько десятков верст. Даже переселенческие поселки Уральского уезда присылали своих представителей за литературой политического характера.

Однако не дремали и кулацкие элементы. Руководимые белогвардейскими офицерами, они объединялись в банды и террором пытались ослабить советскую власть. Убийства партийных и советских работников, поджоги сел, ограбление кооперативов, нападения на обозы с продовольствием и топливом затрудняли налаживание нормальной жизни.

Для борьбы с контрреволюционными восстаниями в Илецкой защите была создана ЧОН (часть особого назначения).

В октябре 1920 г. по решению губернского Совета организуется „Военно-продовольственная оперативная тройка по борьбе с дезертирством и по выполнению государственных продовольственных разверсток“.

Такие же тройки были назначены и в волостях. 10 октября 1920 года губернская тройка издала свой первый приказ, которым создавались сводные отряды. Отряд Илецкого укрепрайона имел в своем составе 600

штыков и находился в подчинении коменданта укрепленного района.

В своей деятельности „тройка“ и „сводные отряды“ строго придерживались классового принципа. Это видно хотя бы из § 13 приказа № 1, в котором говорится:

„Опертройкой в каждом занятом селе или волости в срочном порядке делается выборка лиц более зажиточного и кулацкого элемента, которым предъявляются определенные требования о сдаче продуктов; в случае невыполнения его, эти лица арестовываются, а имущество конфискуется“¹.

Одновременно приказ требовал, чтобы все члены волостных и сельских Советов и члены РКП(б) подавали личный пример революционной сознательности по сдаче причитающихся с них продуктов.

В борьбе с бандитизмом и кулацким саботажем самое деятельное участие принимала молодежь. Десятки молодых граждан Илецкой защиты записались в ЧОН и с оружием в руках громили банды Охранюка и Серова.

Комсомольцы, число которых в волости к этому времени достигало 210 человек, на общегородской конференции постановили: „мобилизовать 5% на продовольственный фронт“.

Точно так же, как и в боях гражданской войны, на хозяйственном фронте, в борьбе с разрухой, трудящиеся Илецкой защиты показывали образцы героизма. Продовольствия не хватало, заработная плата выплачивалась нерегулярно и обесцененными денежными знаками, в квартирах и предприятиях было холодно, — и все же эти трудности не могли сломить волю рабочих.

Постепенно восстанавливалось городское хозяйство: исчезали зияющие проломы в стенах и пробиты на крышах домов, дымились паровозы на железнодорожной станции, с грохотом тянулись эшелоны, в забоях

¹ Чкаловский областной архив. Дело № 453, стр. 1.

соляного рудника раздавались глухие взрывы пороха и аммонала.

Вскоре зазвенели топоры на новых стройках. Непривычными для глаза казались белые стружки, вьющиеся из-под фуганков, и стук долот иногда еще напоминал перестрелку.

В городе и волости началось строительство новых школ. В 1924—25 гг. была построена амбулатория, при ней родильный дом и подсобные здания. На окраине Илецкой защиты, неподалеку от построек соляного рудника, в 1924 году зародился маленький больничный городок.

Новые дома, обновленные срубы колодцев, еще сияющие белизной смолистых досок, радовали трудящихся, как первая победа на хозяйственном фронте.

Люди впервые за свою жизнь строили для себя, и они уверенно смотрели вперед. „Мы победим!“ — эта мысль вдохновляла на героические дела. С этой мыслью трудящиеся города боролись за осуществление первой и второй сталинских пятилеток, с этой мыслью они и сейчас выполняют грандиозные задачи третьей сталинской пятилетки.

Районный центр

Если ехать из Чкалова в Ташкент по железной дороге, то на 72-м километре поезд остановится возле беленького одноэтажного здания вокзала. Это станция Илецк. Низенький палисад отгораживает ее от служебных зданий, за которыми сразу начинаются окраины поселка.

Прямые улицы расчертили Илецкую защиту на прямоугольники кварталов. Отсутствие зелени придает им однообразный, скучный вид. Зимой снег сугробами лежит у низких домов, летом даже легкий ветер поднимает над поселком облака мельчайшей пыли.

Широкие улицы ведут к центру поселка — базарной площади. Длинные, приземистые здания бывших торговых рядов заняты сейчас под склады, кооперативы и государственные магазины. В лучших „казенных“ домах — школы, кинотеатр „Октябрь“, гостиница, райисполком и районный комитет партии. Возле мрачного старинного тюремного замка несколько лет назад построен новый прекрасный клуб.

На площади разбит сквер. В летнем садике, огороженном высоким забором, открыты эстрада, буфет, танцевальная площадка.

На южной стороне поселка высится трехэтажный корпус — это гордость Илецкой защиты — новая районная больница. С больничного двора видна железнодорожная ветка, по которой маленький паровоз тащит

Клуб в Илецкой защите.

пустые вагоны. Стелется белый дым, стрелочник машет желтым флажком. Ворота распахиваются, и паровозик вползает во двор соляного рудника.

Вперед, на горе, — дом стандартного типа. Обдуваемый ветрами, он возвышается над окрестностями, как часовой. Это контора соляного рудника. С горы хорошо видно вокруг. Узенькая тропочка сбегает в ложину и, упираясь в забор, круто сворачивает вправо, к проходной будке соляного рудника. Во дворе амбары, надшахтное здание, бунты соли, приготовленные для погрузки.

За рудником вода. В 1906 году, во время весеннего разлива, река Песчанка затопила старые соляные разработки. Образовалось озеро „Развал“. Его длина около 300 метров, ширина 250 и наибольшая глубина — 17,5 метра.

Озеро „Развал“ обладает интересной особенностью: пресная вода, опущенная в закрытом сосуде на глубину 4—5 метров, превращается в лед в течение 10 минут. В нижних слоях в озере температура доходит до минус 8,2 градуса.

Существует несколько проектов использования этого свойства озера для практических целей, по которым предполагается производство льда летом и устройство специального холодильника. За все 35 лет своего существования поверхность озера ни разу не замерзала. Это объясняется высокой насыщенностью воды солью, содержание которой превышает 23° по Боме. Люди, купающиеся в озере, не могут погрузиться в воду с головой, она, как пробку, выталкивает их на поверхность.

В летние дни на зеркальной глади озера лежат десятки купальщиков.

Недалеко от „Развала“ есть озеро, известное в Илецкой зачете под названием „Дунино“. Его площадь 4,5 гектара, а глубина 4,5 метра. С южной стороны озеро опоясывается множеством воронок и просадок, заполненных водой и используемых как естественные грязе-

вые ванны „неорганизованными курортниками“. В составе воды озера от 90 до 110 граммов хлора на литр, имеется также незначительное количество брома.

Летом к „Дуниному“ озеру и озеру „Развал“ целыми семьями приезжают казахи из дальних аулов и лечатся от многих болезней грязью и солеными ваннами.

Примерно в двух километрах южнее лежит небольшое озерцо „Тузлучное“. Общая площадь его даже весной едва достигает двух гектаров. Оно очень мелкое, глубиной всего лишь 50—60 см. Дно вязкое, покрытое целебным илом. „Тузлучное“ озеро так же, как и „Развал“, почти не замерзает. Тоненькая ледяная корочка покрывает его только в дни самых сильных морозов.

На берегу „Тузлучного“ озера стоят дома Соль-Илецкого курорта.

Соленое озеро „Тузлучное“. Купание больного.

Проф. Дзено-Литовский в своей рукописи об Илецком месторождении каменной соли пишет:

„Удачное сочетание грязелечения с солеными ваннами „Развала“ по своим бальнео-терапевтическим свойствам обеспечили известность Илецкому курорту, известность, далеко выходящую за пределы местного значения“.

При грязелечебнице есть амбулатория и специально оборудованный отдел для гинекологических процедур. Общежитие санатория вмещает 125 человек; в 1929 г. построено здание пансионата с комнатами на 2—3 человека. Амбулаторные размещаются в городе.

Сотни курортников стекаются летом на Илецкий курорт и, восстановив свое здоровье, развозят по Советскому Союзу славу об илецком грязе-солевом лечении. Но не только курортом славится Илецкая защита.

Попрежнему широко известен Илецкий соляной рудник. Во многих городах и селах нашей страны люди употребляют соль, завезенную из Илецкой защиты. Из года в год возрастает производственная мощь рудника.

С 43 тысяч тонн в 1913 году добыча соли поднималась в 1939 году до 160.000 тонн.

...Мы опускаемся в шахту. Деревянная платформа, огороженная железной решеткой, стремительно проваливается в черный зев ствола. Тусклый серый квадратик вверху исчез, и сплошной мрак навалился со всех сторон. Влажный теплый воздух бьет в лицо.

Звякают металлические тросы. Падают сверху капли. Пронесются невидимые в темноте, но ощутимо близкие соляные стены ствола.

Еще несколько секунд, и клеть, издрогнув, останавливается. После мрака электрический свет на рудничном дворе кажется ослепительно ярким. Первое, что бросается в глаза, — сероватый мраморный блеск стен. Шахта, двор, штреки и огромные залы выработок — все это в огромном соляном массиве сделано руками чело-

Соль-Илецкий курорт. Здание курзала

века. Гигантская работа! Миллионы тонн соли вырублены и подняты на поверхность. И миллиарды тонн еще остались. Инженер А. А. Иванов, на основании разведок и геофизических исследований, определил запасы соли (и далеко не полно) в 1.493.000.000 тонн. Колоссальная цифра! Даже если рудник будет ежегодно добывать по 500.000 тонн, то соли хватит на 2986 лет.

Да и какая соль?! По качеству она не уступает лучшим в мире образцам солей. Неоднократно производившиеся химические анализы в среднем дают следующие результаты:

NaCl	—	от	98,62%	до	99,10%
CaSO ₄	—	от	0,72%	до	1,09%
MgCl ₂	—	от	нуля	до	0,05%
NaSO ₄	—	от	нуля	до	0,03%

Нерастворимый остаток от 0,16% до 0,5%.

...Мы стоим ошеломленные грандиозностью ископаемых богатств и крепотливым, упорным, все преодолевающим трудом человека.

Тишина. Темные полосы рельсов узкоколейной дороги убегают вдаль и пропадают в темноте. Далеко впереди раздается грохот, он все нарастает. Видна белая лошадь. Рысью она тянет за собой шесть вагонеток, груженных крупными глыбами соли. Конюгон останавливает ее у подъемника. Толкает одну вагонетку в клеть, захлопывает дверь. Вверху звучит колокол, и клеть исчезает в стволе. На смену ей опускается другая, еще вагонетка уходит наверх, еще, еще и еще...

На поверхности в соляных амбарах соль складывают, часть ее отправляется на солеразмолочную мельницу, где сероватые кристаллические комья превращаются в мягкую белую столовую соль и, расфасованные по бумажным пакетикам, ожидают своей очереди для погрузки в вагоны. Кстати сказать, до революции солеразмолочной мельницы при руднике не было. Добытые глыбы соли везли в Москву и там на мельницах купца и

промышленника Келлера перерабатывали ее в различные сорта поваренной соли. Пакеты с келлеровскими этикетками, проделав столь длинное путешествие, возвращались в Илецкую заштиту, и жители покупали их, но уже по значительно более дорогой цене...

Все вагонетки отправлены. Конюгон гонит порожняк обратно. Мы идем вслед за ним.

— Давайте посмотрим старую выработку, — предлагает мой спутник.

Сворачиваем налево, пробираемся узким проходом, и вдруг перед глазами возникает величественный зал. Вверху воронка, сквозь которую сереет зимнее небо. Очевидно на поверхности земли ветер, — снег осыпается в „камеру“. На дне ее вода. Посередине, как раз против воронки, островок земли, осыпавшейся с кровли. Прямые, совершенно гладкие стены. На них заметны странные полосы.

— Здесь вся работа производилась вручную, — говорит инженер, — и полосы, которые заметны на стенах, не что иное, как следы топора.

„Камера“ тянется в длину на 200 метров, от потолка до воды — больше ста, а до противоположной стены — не меньше тридцати метров.

Сотни людей до революции изо дня в день, долгие годы медленно рубили здесь топорами соль. Каждый солеруб получал „урок“, не выполнив который он лишался работы. Топоры на длинных гибких топорницах — то и дело взлетали вверх и с силой опускались на твердую, как камень, соль. Во все стороны разлетались ее мелкие, острые кусочки, били по рукам и лицам солерубов. Каторжный труд!

Сколько было пролито пота, горьких человеческих слез, сколько жалоб слышали эти стены! На одной из них еще сохранились остатки деревянной лестницы. По шатким скрипящим ступенькам по четыре раза в сутки поднимались и опускались рабочие в соляной рудник.

Возле подъемника снова грохочут вагонетки. Где-то далеко гремит глухие отзвуки взрывов.

Мы снова в главном штреке.

Змеится на стене электрошнур. Вделанные в потолок, горят лампочки, освещая его неровную поверхность. Под ногами хрустит чуть влажная соль. Пыхтит движок, — в большом соляном зале, за дощатыми перегородками электростанция. Пахнет маслом, бензином. Направо видны конюшни.

В „камере“ направо висит какое-то странное сооружение, напоминающее буровую вышку или пожарную каланчу. Рудник кажется пустынным. В огромных соляных „залах“ навстречу попадают только одиночки, тогда как бунты соли, наваленной под навесами на поверхности, создают впечатление, будто под землей трудится множество людей.

Где же люди? Вот на „пожарной каланче“ высоко под самым потолком работает один человек. Он очищает кровлю от сталактитов. На узком штреке, которым начинается выработка новой камеры, бурильщик бурит отверстие для зарядов, — они обрушат потом массивные глыбы соли. В другом месте еще стелется синеватый дымок после взрыва, и мельчайшая соленая пыль висит в воздухе, как туман. Гряда соли возвышается посредине, свежие изломы комьев блестят словно дымчатый хрусталь.

Машина с длинным хоботом, управляемая одним человеком, хватает соль ковшом и накладывает ее в вагонетки.

Железные челюсти разжались — вагонетка полна. Бесшумно хобот поворачивается, и ковш вдруг с силой погружается в соляной холм. Лязг. Ковш закрылся. Хобот описывает в воздухе дугу, челюсти разжимаются, и комья наполняют вторую вагонетку. Это работает скрепер.

В соседнем зале еще один такой. Несколько черно-рабочих сметают соль с рельсов. Вот и все.

Бурильщиков Илецкого солярудника в забое.

Работа идет полным ходом. И то, что три десятка лет назад требовало каторжного труда сотен людей, теперь с успехом делают двадцать-двадцать пять человек. Разбросанные на обширнейшей площади рудника, они занимаются каждый своим делом, теряются в огромных камерах, штреках, и рудник кажется пустынным.

Звонок. Обеденный перерыв. Из разных закоулков появляются рабочие. Одни остаются под землей и, развязав мешочки, закусывают домашней снедью, других подъемная машина унесит наверх, в столовую.

Только коногон Жердев, которого звонок застал на полпути, попускает Серого. По сигналу на перерыв Серый остановился, и теперь его никакая сила не заставит вести вагонетки. Жердев хлестнул коня, тот под-

нялся на передние ноги и стал бить задними ногами по вагонетке.

— Вот черт. Все порядки знает, — говорит Жердев, отпрягая коня. Почувств свободу, Серый взмахивает хвостом, косится на коногону и крупной рысью бежит на конюшню, прямо в свой станок.

Жердев подсаживается к обедающим. Они оживленно разговаривают. Кто-то рассказывает о виденной вчера в рудничном клубе кинокартине „Юность Максима“. Двое других спорят, кто больше нагрузил вагонеток, и каждый клянется, что после обеда он вывезет все равно больше.

Бурильщик Мищенко читает вслух газету. Успехи наших войск на белофинском фронте радуют сердца горняков. Они настоящие советские патриоты. Многие из них побывали у военного комиссара. Они говорили, что умеют метко стрелять, некоторые из них ссылались на боевой опыт гражданской войны, просили отправить их на фронт.

Комиссар поблагодарил горняков, обещал, когда понадобятся, вызывать.

— А пока войдите на трудовом фронте, — посоветовал он им на прощанье.

И они воюют — стахановской, добросовестной, честной работой помогают крепнуть нашей родине.

Снова звонит звонок. Перерыв кончился. Люди приступают к работе... Стране нужна соль, и она ее получает.

* * *

Но не только соль нужна нашей стране. Ежегодно десятки геологических разведывательных партий проникают в самые отдаленные уголки Советского Союза. Открытия следуют за открытиями. Земля раскрывает тайны своих недр. Ежегодно то там, то здесь вступают в строй новые шахты, рудники...

В геологических разведках принимают участие мест-

ные жители — колхозники, рабочие, сельская интеллигенция, школьники. В 1935 году гражданин Илецкой защиты Иванов при бурении колодца обнаружил уголь.

Пытливый, любознательный патриот, он не оставил незамеченным неизвестное ему ископаемое, а направил его образцы в областной центр для исследования.

— Да, это уголь, — писали Иванову из области. А вскоре вслед за письмом прибыли геологи, и начались планомерные поиски залегания угля. „Разведочными работами установлено, что на месторождении имеется один пласт и несколько прослоек бурого угля... Мощность пласта угля по отдельным буровым скважинам колеблется от нескольких сантиметров до 1,75 метра и в среднем составляет около 1 метра. Средняя глубина залегания пласта угля около 30 метров“.

На базе этих запасов Наркоматом топливной промышленности сейчас ведется строительство трех шахт.

Угленосность выявлена и еще во многих местах района: в овраге Галечном, западнее разъезда № 24, в верховьях р. Ветлянки, в овраге Букобай и т. д. В 1941 году геологические разведки охватят новую большую территорию.

Соль-Илецкий район обладает колоссальными залежами фосфорита. Фосфоритоносный участок занимает площадь около 118 кв. км с общими запасами в 155.994 тысячи тонн.

На территории района есть торфяные болота, залежи калийных солей, огромные месторождения гипса („гипсовая гора“), кирпичных глин и мергеля. Эти ценнейшие ископаемые с успехом могут быть использованы для развития промышленности стройматериалов.

Кирпич, известь, алебастр, черепица, цемент, камышитовые плиты и т. п. могут производиться на базе минеральных ископаемых, имеющихся в Илецком районе.

Для изготовления красного кирпича есть неисчерпаемые запасы глин вблизи рек Илека, Елчанки и Ветлянки,

Для производства извести имеется в изобилии известняк Мертвосольской горы. Кроме того, в верховьях реки Ветлянки — мел. Запасы его, по данным георазведки, составляют несколько десятков миллионов тонн.

Алебастр производится из гипса, которого так много, что он образует целую гору, известную под названием „Гипсовой“.

Из алебастра и обыкновенного камыша, растущего в поймах рек и на болотах, делают камышитовые плиты. Хозяйственные постройки, временные жилые бараки, внутренние перегородки в домах могут с успехом изготавливаться из камышитовых плит.

Для черепичных изделий вполне пригодны глины у оврага Галечного, поселка Прохладного и оврага Букобай.

Для того, чтобы получить цемент, нужно в различных определенных пропорциях смешивать известняки, глины и т. н. натуральные мергели.

Месторождение мергеля находится вблизи оврага „Свиного“.

Неузнаваемо изменился и вырос и сам районный центр. Сейчас в нем насчитывается свыше двух тысяч двухсот домов.

Безуездный город Илецкая защита не имел никакой промышленности, за исключением „питейных заведений“ и ветряных мельниц. Часть жителей работала на руднике или на железной дороге, остальные промышляли торговлей и занимались кустарными ремеслами. Печников, сапожников, красников, портных, кузнецов и т. п. в 1913 г. было 519 человек.)

Сейчас, особенно после известного постановления Совнаркома ССР и ЦК ВКП(б) от 9 января 1941 года, в Илецкой защите быстрыми темпами развивается местная промышленность.

14 февраля 1941 года состоялась VII сессия Соль-Илецкого районного Совета депутатов трудящихся, на которой обсуждался вопрос „О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья“. Перед промышленными предприятиями сессия поставила большие задачи. Так, райпромкомбинату предложено увеличить выпуск гончарных изделий до 30 тыс. рублей, обжиг кирпича довести до 1 млн. штук и производство алебаstra до 1000 тонн, приступить к разработке „точильной горы“ и организовать производство точил и точильных брусков, начать обжиг извести, используя для этого местные угли; организовать кузнечно-слесарную, обзоровомонтные и деревообрабатывающую мастерские, пимокатное производство и переработку кожаненного сырья.

Общая сумма капиталовложений по райпромкомбинату на организацию новых производств и расширение старых составляет 165 тысяч рублей.

Райпищепрому в 1941 году предстоит выпустить: колбасных изделий на 14,4 тысячи рублей, мороженого на 24 тыс. руб., фруктовых вод на 65,7 тыс. рублей, кондитерских изделий на 25,5 тыс. рублей; забой скота на мясо на сумму до 180 тысяч рублей. В 1941 году в Илецкой заштите впервые будет организовано производство арбузного меда и повидла.

По промышленным артелям: им. Крупской, „Станхановец“, „Производственников“ предусмотрено увеличение выпуска продукции на 70 тысяч рублей.

Всего в 1941 году местной промышленностью Илецкой заштиты будет выпущено 600 тыс. штук жженого кирпича, 400 тонн алебаstra, 700 сыромятных кож, 2750 пар валяной обуви, 3325 гектолитров безалкогольных напитков, 8000 кг колбасных изделий, 4000 кг мороженого, 18000 кг кондитерских изделий, 11000 кг томата, повидла, варенья и т. п.

Уже в январе-феврале 1941 года местная промиш-

ленность Илецкой защиты выполнила свой план с превышением на 13,5%, при чем прирост продукции в сравнении с этими же месяцами 1940 г. составил 120,4%.

В магазинах поселка появились глиняные кувшины и миски, замки и дверные ручки, соленые грибы и томат, колбаса, печенье и пряники — местного производства.

Трудящиеся Илецкой защиты еще лишний раз убедились в заботах партии и правительства по подъему материального благосостояния масс.

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) „О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья“ разбудило творческую инициативу местных работников и послужило толчком к дальнейшему экономическому развитию Илецкой защиты.

С каждым годом поселковый бюджет увеличивается. В 1936 он составлял 384.865 рублей, из которых 162.318 было израсходовано на нужды народного образования. В 1938 году бюджет возрос до 737.458 рублей. Из них 202.550 было отпущено на народное образование.

В 1939 году бюджет достиг 835.977 рублей. Соответственно увеличились и суммы, отпускаемые на народное образование, здравоохранение и коммунально-бытовое благоустройство.

В школах в 1939 году насчитывалось 3212 учеников, их обучал целый отряд педагогов, численностью в 90 человек.

Замечательные люди есть в среде учителей Илецкой защиты. Большим авторитетом и любовью пользуется у населения Алексей Георгиевич Монтов. Учителемствует он 34 года. Шесть лет набирают его трудящиеся депутатам в поселковый Совет. Алексей Георгиевич обучил и воспитал сотни людей. Четверо его бывших питомцев сейчас горные инженеры, 28 человек — врачи, трое — летчики, один — командир полка Красной Армии.

Прекрасно владеет методикой преподавания учитель-

ница Клавдия Васильевна Бочкарева. Она работает в младших классах средней школы № 2. В ее классе 41 малыша. С таким количеством учащихся вести занятия трудно. Клавдия Васильевна успешно справляется со своей работой, отлично обучая и воспитывая своих питомцев. Клавдия Васильевна — хозяйка класса не столько потому, что ей предоставлены соответствующие юридические права, сколько в силу своего авторитета среди учащихся и их родителей.

Таких учителей и учительниц в Илецкой защите немало. Скромные, честные, они ведут среди населения большую общественную, культурно-воспитательную работу. Во время выборов депутатов в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР 20 учителей были председателями, секретарями и членами участковых избирательных комиссий, 70 учителей работали агитаторами.

Не считаясь со временем, педагоги работают по ликвидации неграмотности и малограмотности.

7 февраля 1941 года поселковый исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся вручил удостоверение 28 товарищам, закончившим учебу в группах неграмотных.

Выдача удостоверений производилась в торжественной обстановке, на заседании поселкового исполкома. Особо была отмечена успешная учеба 47-летней домашней хозяйки Глазуновой. Она, научившись читать и писать, послала сыну в Красную Армию письмо, в котором сообщала о своих успехах.

В ответном письме сын благодарил учителей и пожелал матери успешно продолжать учебу.

Присутствовавшие на заседании поселкового Совета директора школ и учителя-культурмейцы обещали в 1941 году превратить Илецкую защиту в поселок сплошной грамотности.

В Илецкой защите, как и во всем Советском Союзе, лучшие дома отведены под детские учреждения,

Для малышей, чьи матери работают, устроены детские ясли: им. Клары Цеткин на 34 человека, им. 8 марта на 46 человек. Для детей дошкольного возраста открыт детский сад на 64 места.

Забота правительства, коммунистической партии и товарища Сталина о подрастающем поколении в Илецкой защите ощутима, как и в любом другом уголке советской страны. С момента опубликования закона о запрещении абортов и оказании помощи многодетным матерям в одном только поселке 35 женщины получили 200 тысяч рублей пособия. Серафима Васильевна Кормиллина получила 18 тыс. рублей, Анна Петровна Лучинская 12 тыс. рублей, Абубакирова Шарифа 10 тыс. рублей. Счастливые матери и дети благодарят правительство и партию за отеческое внимание и заботу.

С гордостью рассказывают илецкие жители о своей больнице. Она заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее. В 1924—25 году главный врач городской больницы, помещавшейся тогда в бывших беженских бараках, Владимир Владимирович Чернов, вместе с рабочими соляного рудника, поднял вопрос о строительстве в поселке новой районной больницы. Врач Чернов поехал в Москву, рассказал в наркомате о замечательной инициативе рабочих и получил средства для строительства. В течение 1924—25 годов была выстроена районная амбулатория и несколько вспомогательных зданий. С 1928 года началась стройка районной больницы. В 1931 году ее закончили. Трудящиеся получили замечательное лечебное учреждение. В светлых, просторных палатах размещено 125 кроватей. Лечат больных лучшие врачи. К их услугам новейшие достижения медицины. В частности, при больнице имеется санитарно-бактериологическая лаборатория, оборудованная фото-микроскопами. Подготовлен к пуску рентгеновский кабинет.

Владимир Владимирович Чернов — энтузиаст медицины. В больнице царит порядок. Слава ее распространя-

лась далеко за пределами района. На операции присе-
дают за сотни километров.

С 1924 года по январь 1940 года в больнице было
произведено 11236 самых разнообразных операций. О ка-
честве их можно судить хотя бы из следующего пись-
ма:

„В 1938 году врачи признали у меня рак и язву же-
лудка. Ак-булакский райздравотдел направил меня на
операцию к хирургу соль-лецкой районной больницы
Владимиру Владимировичу Чернову.

18 февраля этого года он сделал мне операцию.

В больнице я лежал почти два месяца.

Обслуживающий персонал больницы относился ко
мне заботливо и внимательно.

Благодаря этому, несмотря на преклонный возраст
(мне 55 лет), я выздоровел и с 10 апреля начал рабо-
тать. Сейчас чувствую себя хорошо.

Иван Дементьевич Вязимов,
работник ак-булакской типографии“.

Или еще пример:

„В тяжелом, почти безжизненном состоянии я был
доставлен в районную больницу. Спасти мою жизнь было
не легко.

Но современная советская медицина и люди, владею-
щие ею, отстояли мне жизнь.

Теперь я чувствую себя хорошо, и здоровье мое с
каждым днем восстанавливается.

За чуткое отношение ко мне, за спасение моей жиз-
ни, искренне благодарю врачей тт. Чернова, Ершова,
Кузнецову и весь остальной медицинский персонал рай-
онной больницы.

И. И. Белоусов“.

В 1935 году при районной больнице открыта сестрин-
ско-акушерская школа, в которой учатся 72 человека.
Летом 1939 года были проведены курсы санитаров на
50 человек. Некоторые врачи ведут научно-исследователь-

скую работу. Например, Владимир Владимирович Чернов, опираясь на богатый клинический материал, готовит работу „О бруцеллезе“.

В 1940 году открылась детская консультация, выстроена баня на 120 мест, с душем, ваннами и номерами. Есть дезинфекционный отряд (у него две камеры), районная амбулатория и зубоврачебная амбулатория. Борьба за здоровье трудящихся стоит в центре внимания медицинских работников Илецкой защиты.

Становятся редкостью ранее широко распространенные болезни — туберкулез, сыпной тиф, сифилис, дизентерия, оспа, чесотка, скарлатина, брюшной тиф.

Медицинские работники выезжают в колхозы, проводят беседы на предприятиях, в бригадах, посещают квартиры жителей поселка.

Заслуженным авторитетом пользуется молодая акушерка Александра Степановна Залевская. В любое время дня и ночи, в любую погоду, она направляется за несколько километров и оказывает помощь роженицам.

Можно было бы привести еще множество примеров настоящего социалистического отношения к труду, рассказать о сотнях прекрасных советских людей — жителей Илецкой защиты. А. Коняева — депутат поселкового Совета поддерживает теснейшую, повседневную связь со своими избирателями, учительница М. Я. Сборкина добилась в своем классе высокой успеваемости, комбайнер Соль-Илецкой МТС Федор Миронович Веселый за свои достижения получил Большую золотую медаль ВСХВ 1940 г. и премию в три тысячи рублей. И много, много других славных тружеников составляют самый „ценный капитал“ Илецкой защиты.

Конечно, никого из читателей не удивят успехи и достижения поселка.

За годы социалистического строительства мы так привыкли к необыкновенным темпам, к возникновению в пустынях и степях новых промышленных городов,

что скромные успехи бывшего безудачного города, ныне рабочего поселка, покажутся бледными.

В самом деле, разве уж так велика сумма расходов на благоустройство поселка? Всего лишь каких-нибудь 335.500 руб. было израсходовано в 1938 г. Немногим более чем по 18 руб. 50 к. на каждого жителя.

Разве представляет что-нибудь особенное сад, посаженный в 1933 г. на площади в 8 га?

Ну, кого удивит, что Пушкинская, Уральская, Ташкентская, Калининская и Крюковская улицы в 1939 году вымощены камнем?

В том же году вступила в строй первая очередь водопровода. Разве это диво?

Строятся школы, ясли, детский сад, планируется строительство городского клуба. И это не удивляет никого, так же как и то, что в кинотеатре „Октябрь“ почти никогда нет ни одного пустующего места — 200.000 зрителей в течение года!

Не удивляет! Но это-то и самое удивительное в нашей замечательной жизни! То, что было несбыточной мечтой два десятка лет назад, — сейчас обыденная действительность. Кровь, пролитая отцами и братьями во время гражданской войны, не пропала даром. Она дала обильные всходы побед и достижений.

Трубящиеся Илецкой защиты понимают это и свято чтут память погибших героев. Ежегодно 1 мая и 7 ноября колонны демонстрантов направляются за город, где на пути из Илецкой защиты в станицу Буравную погребены бойцы, павшие в битвах гражданской войны. Над братской могилой, обнесенной изгородью, возвышается памятник. В торжественной тишине, обнажив головы, трубящиеся Илецкой защиты отдают почести верным сынам народа, своей кровью завоевавшим для трудящихся право на счастливую, озаренную солнцем Сталинской Конституции жизнь, на прекрасное светлое будущее!

